

Лев Амбиндер,

РУКОВОДИТЕЛЬ
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ,
ЧЛЕН СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ПО РАЗВИТИЮ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Напрямую или через фонд?

Вчера наш многолетний партнер московский Институт медицинских технологий (ИМТ) получил определение Мосгорсуда на решение Кунцевского районного суда по делу о пожертвованиях для 9-летней Яны Юлас. Юристы фандрайзинговых организаций считают это дело прецедентным. Напомним, истец Виктор Самотаев, дед девочки, добивается от ИМТ возврата пожертвований, оставшихся после лечения Яны. Кунцевский суд отказал истцу, признав оплату читателями Русфонда медицинских услуг для девочки принадлежащими им же, читателям. Мосгорсуд, куда истец обратился с кассационной жалобой, оставил жалобу без удовлетворения.

Эта судебная тяжба длится более полутора лет. Кунцевский районный суд дважды рассматривал иск деда Яны, оба раза отказав истцу. А тот дважды обжаловал эти отказы в Мосгорсуде, и в первый раз городская судебная коллегия вернула дело на новое рассмотрение, а во второй раз поддержала Кунцевский суд. «Б» тоже дважды в прошлом году обращался к этой истории («Дело о пожертвованиях», 9 марта, и «Дело о пожертвованиях-2», 2 июля). Наши эксперты, юристы некоммерческих организаций, считают, что судебного разбирательства не было бы, перечисли читателями пожертвования для Яны на счет фонда. Я вернулся к этому их заключению чуть ниже, а пока о сути дела.

В конце 2007 года Русфонд у себя на rusfond.ru опубликовал письмо Виктора Самотаева с просьбой о помощи Яне в оплате лечения в ИМТ. У девочки церебральный паралич (ДЦП) и поражение центральной нервной системы. Яна из Узбекистана, там такие болезни не лечат, семья материально бедствует, а ИМТ выставил счет на 150,4 тыс. руб. Вообще-то тема ДЦП не самая востребованная у наших помощников. Однако дело было в календаре Нового года, и 20 читателей перечислили в ИМТ 543,1 тыс. руб. После нескольких курсов терапии врачи ИМТ пришли к выводу, что дальнейшее лечение Яне не поможет. Остальные деньги ИМТ потратил на очередников Русфонда, получив на это согласие жертвователей.

А семья Яны Юлас считает эти отстки своими и требует от ИМТ вернуть их законному владельцу, то есть себе. Вот и вся коллизия. Случай для нашего фонда уникальный. Дед Яны ссылается на Гражданский кодекс, утверждая, что пожертвования — это дар внучке. ИМТ парирует статьей 274 из того же ГК, согласно которой дар оформляется документом, которого у истца нет. В этой истории все пожертвования, поступив напрямую в медцентр, структуру коммерческую, превратились в плату за услуги, и ИМТ, даже если бы согласился с требованиями деда Яны, вправе отдать отстки лишь самим платящим и никому больше. То есть наши читатели и есть единственные законные владельцы.

Русфонд, разумеется, поддержал позицию партнера и читателей. Я несколько раз заявлял Виктору Самотаеву в беседе, в суде и в «Б», что мы готовы рассмотреть новую просьбу о помощи Яне, если семья найдет соответствующую клинику. Просьбы не было. Что ж, мы исходим из закона о благотворительности, согласно которому коммерческие структуры не имеют права на сбор пожертвований, а если пожертвования все же таки поступают в коммерческую структуру, то это благотворительная деятельность не является (ФЗ-135, ч. 2, ст. 2).

Вся эта история, наверное, не стоит газетной площади, если бы мы и сейчас не получали запросы реквизитов клиник от читателей. Вот свежее письмо: «Наша компания поможет деньгами Ане Паршиной с вашего сайта, но только прямо в клинику. В стране процветает мошенничество, доверия нет никому, Елена». Что ж, читатели в своем праве, и мы дали Елене реквизиты ИМТ. Заодно мы написали Елене об этой судебной тяжбе и о мнении юристов НКО. Юристы считают: поступки пожертвования для Яны на счет фонда, то ситуация была бы ясной: фонд платит ровно по счету ИМТ, семья Яны получает желанное, отстки фонд направляет на лечение других детей — с согласия жертвователей. То есть все то же, что и в случае «прямо в клинику», но повода для тяжбы нет. И второе: если компания Елены перечислит пожертвование в клинику, то у семьи ребенка возникает подоходный налог. Если пожертвование конкретному ребенку единоразово за год делает фонд, то налог не возникает, так как нет. Те редкие наши читатели, которые жертвуют «прямо в клинику», как правило, заодно вносят за семью и налог. Но большинство жертвует через фонд, получая оперативные отчеты с комментариями врачей.

Елена пока не сообщила нам о решении своей компании.

КРАЕВОЙ СУД ОТМЕНИЛ УКАЗ ГУБЕРНАТОРА

21 января Русфонд в рамках своей программы «Правонападение» опубликовал в «Б» и на rusfond.ru историю противостояния администрации Красноярского и сирот Гусевых («Нина и Саша нигде не живут», Валерий Панюшкин).

Сестра и брат Гусевы в соответствии с законом РФ о социальной поддержке детей-сирот (ФЗ-159) имеют право на жилье по месту жительства. Однако город отказал им в жилье в Красноярске, руководствуясь указом губернатора, по которому сирота получает жилье по месту утраты родительского попечения. В случае Нины и Саши это в 500 км от Красноярска, где они давно живут. Мы обжаловали указ губернатора в суде края как противоречащий российскому законодательству, и 10 марта суд решил спор в нашу пользу. Надеюсь, наш оппонент не обжалует это решение, но мы готовы защищать права Гусевых и в Верховном суде РФ.

Светлана Викторова, юрист программы «Правонападение»

Госпожа Кира

Восьмилетнюю девочку из Ижевска спасет только трансплантация костного мозга

У Киры Антоновой лимфобластный лейкоз. Девчонки с малолетства существа особые. Им что важно? Все то же, что и мальчишкам, но вдобавок к тому — как они выглядят. И если от гормонов щеки пошли виришь, переживают. И если от химии волосы выпали, это уже вселенская трагедия. И коли уж так произошло, то голову нужно закрыть красивым платочком или узорной шапочкой. Кира Антонова не какая-то малышня, ей уже восемь лет. Она понимает, что все это из-за болезни, страшной которой мало что на свете есть. Но что о ней, болезни, думать? Куда важнее, как ты выглядишь. Ну и правильно, девочка же.

Если обычно ребенка ждут девять месяцев, то Наталья ждала свою Киру еще и целых девять лет. Все никак не получалось. А получилось — и Наталья была счастлива. Дала ей имя, которое переводится с греческого языка словом «госпожа».

— Это сейчас, — говорит Наталья, — много девочек с таким именем, а тогда она у меня среди всех знакомых одна такая была.

— А почему потом-то много стало? — спрашиваю ее.

— Как почему?! Сериал «Не родись красивой», там же Кира есть.

Мама и дочка смотрят на меня с изумлением, а я тот сериал не видел. Каюсь...

Дочка подрастала, радовала маму и потихоньку забирала над ней власть, соответствующую имени. Так оно и шло до трех лет. А потом Кира заболела, думали, что чем-то отравилась. Но анализ показал, что в крови у нее бласты — раковые клетки. Киру с мамой положили в больницу на химиотерапию. Лимфобластный лейкоз. Вот так Киру не повезло.

Но вот что нужно сказать: и повезло тоже. Повезло, что вся эта история разворачивалась в Ижевске, а там, в столице Удмуртии, есть Республиканская детская клиническая больница, а в ней хорошее гематологическое отделение.

Знали бы вы, как много от этого зависит. И сколько российских ребятшек уже погибло только от того, что знают они вдали от таких хороших больниц и хороших врачей. И какая это редкость в российской глубинке — настоящий гематолог. Я знаю случаи, когда даже из крупной областной больницы уехал один такой специалист — и все, больница потеряла не врача, а целое направление, детскую гематологию.

В больнице Киру вывели в ремиссию. Болезнь отступила, и Наталья уже показало, что все страшное позади. Но прошлым летом девочке стало хуже — и опять по всем признакам думали, что отравление. На этот раз и анализ крови не встревожил. И только с помощью костно-мозговой пункции были обнаружены бласты. А компьютерная томография выявила в голове у Киры скопления жидкости, и вот там-то, видимо, пряталась раковые клетки: «химия» плохо проникает в головной мозг. Обнаружив рецидив, ижевские врачи направили Киру в Петербург, в Институт имени П. М. Горбачевой.

Опять прошу читателей обратить внимание: рецидив с помощью компьютерного томографа диагностировали в Ижевске. Где-нибудь в другом месте девочку могли бы лечить от отравления и головной боли, как оно нередко и бывает. И еще в одном это самое везение-невезение. Рецидив — конечно, плохо. Но если бы у Киры был ранний рецидив... Врачи говорят, при раннем раковые клетки намного злее.

Киру поправляет свою вязаную шапочку, а я вспоминаю ее «дорецидивный» снимок: у нее были косички чуть не по пояс! И говорю ей то, что говорю всем девочкам, к которым прихожу в эту клинику: волосам делю, как леопард. Киру достает из зверька телефон и делится со мной завзетным: на дисплее мобильника фото кошки.

В Ижевске Киру вывели в ремиссию. Казалось, что страшное позади. Но прошлым летом ей стало хуже — и опять думали, что отравление. Но с помощью костно-мозговой пункции были обнаружены бласты. Фото Виктора Костокова

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— Твоя? Как зовут?

— У нее двойное имя, — важно отвечает Кира, — ее зовут Муся-Пуся.

Она нажимает на кнопку, и я вижу другой снимок: Кира с мужчиной.

— Папа, — тихо говорит она, украдкой взглянув в сторону, на маму.

Я уже знаю, что папа приходит к ним редко и свой отцовский долг ограничивает смешными деньгами. Они особенно смешны сейчас, когда Кире нужно искать неродственного донора в международном регистре. Наталья была художником-оформителем, но пришлось переучиться на бухгалтера. Толку от этого немного: на поиск донора, например, ей пришлось бы десять лет откладывать всю зарплату!

Кире здесь, в клинике, скучно, она рвется домой, где можно заниматься любимыми делами: рисовать, лепить из пластилина и читать книги про Незнайку. Все это она делает в их с Натальей маленькой квартирке с красивым названием «квартира гостиничного типа». Да уж, отель.

Вот такая жизнь у госпожи Киры из ижевской общаги: то везет, то опять не везет... Надо ей помочь.

Виктор Костоковский

КАК ПОМОЧЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ КИРЫ АНТОНОВОЙ НЕ ХВАТАЕТ ЕЩЕ 997 832 РУБ.

Заведующая отделением Института детской гематологии и трансплантологии им. П. М. Горбачевой Наталья Станчева (Петербург) рассказывает: «Кира болеет давно, сначала никаких факторов риска не отмечалось, девочка после химиотерапии вышла в ремиссию. Но в октябре 2010 года у нее развился поздний рецидив, причем с вовлечением не только костного мозга, но и центральной нервной системы. Теперь спасти может только пересадка костного мозга». В семье Антоновых у Киры нет полностью совместимого донора. Но в международном регистре уже обнаружено «достаточно большое число» потенциально совместимых доноров. Медлить с поиском донора и трансплантацией, по словам госпожи Станчевой, уже нельзя: «Надо пото-

ропиться, пока Кира в ремиссии. И надо запастись лекарствами для помощи девочке в борьбе с неизбежными осложнениями после пересадки».

Поиск неродственного донора и доставка трансплантата в Петербург обойдутся в €17,5 тыс. Еще в 1 015 020 руб. обойдутся противораковые и антигрибковые лекарства, без которых чрезвычайно высок риск серьезных осложнений в посттрансплантационный период. Таким образом, для спасения Киры Антоновой надо 1 714 692 руб. Как всегда, наши постоянные партнеры компания «Ингострах» и петербургский благотворительный фонд «Движение» перечислят соответственно 417 тыс. руб. и 299 860 руб. То есть не хватает еще 997 832 руб. Дорогие друзья! Если вы

решите спасти Киру Антонову, то пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет принято с великой благодарностью. Деньги можно перечислить в благотворительный фонд «Помощь» (учредитель издательский дом «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер) и на банковский счет мамы Киры — Натальи Владимировны Антоновой. Все реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Спасибо!

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Милана Сажина, 2 года, детский церебральный паралич, тетрапарез, требуется курсовое лечение на год. 111 900 руб. Внимание! Стоимость лечения 161 900 руб. Группа компаний «Ренова» внесла 50 тыс. руб. (подробности на rusfond.ru). Не хватает 111 900 руб.

Беда случилась не вчера, но вот показался выход из тупика, и крайне нужна помощь. С отцом Миланы мы прожили восемь лет, а на седьмом месяце беременности он ушел. Но я была счастлива ожиданием малыша. Роды прошли тяжело, дочь сама родиться не смогла, а врачи вовремя не приняли мер. При родах Милана перенесла инсульт, начались судороги. Я обошла всех наших докторов, мы ездили в другие города — бесполезно. Узнав об ошеломляющих результатах Института медтехнологий (ИМТ), я продала квартиру, взяла ссуду, помогли знакомые, и Милана прошла в ИМТ три курса. Дочь уже улыбается, а не плачет сутками от боли. Сидит и поддерживает, издает звуки, прислушивается. Левая рука начала действовать. Нам надо упорно лечиться, а денег нет. Кормит нас моя мама (у нее и живем), она кассир ЖКФ. Пенсия Миланы уходит на таблетки. Одна надежда на вас. Татьяна Сажина, Ростовская область.

Невропатолог ИМТ Елена Молодченко (Москва): «Мы снизили судорожную готовность головного мозга, улучшилось созревание мозговых структур. Положительный эффект есть, и прерывать терапию нельзя хотя бы в течение года».

Даня Кольвенко, 7 лет, сахарный диабет 1-го типа, требуется постановка инсулиновой помпы. 149 600 руб.

Когда три года назад Даня только заболел, я ставила ему один укол в день. А сейчас приходится делать до девяти. Сахар измеряем постоянно, и днем, и ночью. Не только я, но и врачи не могут установить какую-нибудь закономерность в течении болезни. Даня страдает и от высоких, и от низких сахаров. А тут новая напасть, выяснилось, что у него еще одно тяжелое заболевание — целиакия, организм не усваивает белок из злаков. Надо соблюдать две диеты, иногда взаимоисключающие. Нам порекомендовали поставить инсулиновую помпу. Она очень хорошо помогает таким ребятам, как мой Даня, потому что работает, как здоровая поджелудочная железа, инсулин поступает в организм постоянно, маленькими порциями. И в школе Даня будет удобно с ней управляться, не нужно делать уколы. Но самим нам не купить такой дорогой прибор. Юлия Кольвенко, Санкт-Петербург.

Врач-эндокринолог Педиагтрической академии Елизавета Досвицкая (Санкт-Петербург): «Диабет протекает очень нестабильно, Дане нужна постановка инсулиновой помпы, это действительно поможет справиться с болезнью».

Маша Иваненкова, 2 года, дефект височной доли после удаления опухоли, нужна операция. 150 тыс. руб.

Внимание! Цена лечения 220 тыс. руб. Благотворительный фонд «Наша инициатива» компании «М.Видео» внес 70 тыс. руб. (подробности на rusfond.ru). Не хватает 150 тыс. руб.

В два месяца у Маши оттопырилось левое ушко и, буквально на глазах, припух висок. Злокачественная опухоль! Больше месяца мы в Москве ждали госпитализации, столько же провели в больнице. За это время опухоль выросла с голову ребенка. Оперировали в НИИ имени Бурденко. Прогнозов не давали, ведь опухоль была гигантской, но удалили тотально. А на виске опухоль разлезла кости. Левое ушко не слышит. Машу еще дважды оперировали, но слух не восстановился. В остальном дочь активно развивается, умная, общительная. Я не спускаю с нее глаз, а на прогулке не выпускаю ее руку из своей, ведь любая травма ее убьет. На виске Маши просто дыра в черепе. Мозг защищен тонкой кожей. Нужна еще одна операция, а платить нечем. Мы уже брали кредит в 250 тыс. руб., осталось выплатить 120 тыс. У нас две дочери, старшей 11 лет. Муж работает дальнотойщиком. Пожалуйста, помогите собрать деньги на эту операцию! Наталья Иваненкова, Смоленская область.

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Злокачественная опухоль височной доли мозга удалена полностью, и Маша развивается нормально. Остался дефект костной ткани, через него выпирает мозг. Это опасно для жизни. Мы умеем устранять такие дефекты».

Илья Шарафанов, 3 месяца, врожденная пространственная косоплатность, требуется лечение. 84 тыс. руб.

Пишу с большой надеждой, что моя просьба не останется без внимания и поддержки. Я балерина Театра имени Мусоргского. 20 ноября 2010 года у меня родился очаровательный сыночек. Но вместо радости беда: правая ножка малыша сильно искривлена. Я человек не очень практичный, не стеснилась с такими проблемами и совершенно растеряна. Лечить Илью еще не начинали, а время, когда кости ребенка податливы, быстро проходит. Знакомые посоветовали лечиться новым методом Понсети. Я не очень представляю, чем он отличается от других, но то, что мне рассказали, настолько убедительно, что верю: все будет хорошо. Надо только найти, чем заплатить. Зарплата мужа, он менеджер, 9 тыс. руб., рассчитывать не на кого. Не могли бы вы помочь? С уважением, Марина Шарафанова, Санкт-Петербург.

Заместитель главврача больницы имени Соловьева Юрий Филимендинов (Ярославль): «Многоэтапное комплексное лечение по методу Понсети навсегда избавит Илью от косоплатности. Начать гипсование надо немедленно».

Паша Ненашев, 3 года, врожденный порок сердца, спасет эндovasкулярная операция. 63 600 руб.

Внимание! Стоимость операции 133 600 руб. Компания ТТК внесла 70 тыс. руб. (подробности на rusfond.ru). Не хватает 63 600 руб.

Десять месяцев врачи нашли шум в сердце Паши, нас направили на обследование и выявили порок сердца. Мы постоянно наблюдаемся у кардиолога и получаем медикаментозное лечение, но состояние Паши не улучшается. Он растет слабым и болезненным. Постоянно утомленный, на прогулке даже не бегает с детьми — все у меня на руках. Плохо ест и болеет непрерывно. Нам необходима операция, и сделать ее желательно в Томске: там берутся закрыть порок, не вскрывая грудную клетку. Прошу вас о помощи в оплате такой операции. Больше обратиться не к кому. Я сейчас безработная, муж оператор-наладчик фармацевтической компании. Квартиру снимаем, родители живут в деревне. Вечно безденежье. Надеюсь на вашу доброту и благодарю всех, кто спасает детей. Людмила Ненашева, Алтайский край.

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеев: «Открытый артериальный проток мы рекомендуем закрыть через сосуды, избегая полостной операции. Паша легко перенесет процедуру и станет здоровым».

Реквизиты авторов и клиники есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).